

Эдуард ВОЛОДИН

Интеллигенция и народ

Публикуя в № 1, 1991 «ОНС» статью А. В ал и ц кого (США) «Интеллектуальная традиция дореволюционной России», редакция обратилась к ряду ученых — представителей различных мировоззренческих позиций с просьбой высказать свою точку зрения на исторический путь России, что и объясняет появление в нашем журнале соответствующей рубрики. В ней уже выступила исследовательница из Франции Ю. Шерер (см. № 2, 1991). Автор публикуемой статьи — доктор философских наук, ученый секретарь Научного совета АН СССР по проблемам русской культуры.

Само собой разумеется, что факт публикации той или иной работы не свидетельствует о неременном совпадении позиций автора и редакции.

I

Очень удобно и крайне демократично объяснять возрастающий интерес к русскому национальному самосознанию или к «русской идее» перестройкой «покончившей с тоталитаризмом» и «раскрепостившей духовный мир нашего современника». Такими конъюнктурными «самоопределениями» теоретиков знаменуется приход к власти каждого нового политического лидера в нашей стране. Перестройка еще раз подтвердила существование целого сословия, основной смысл деятельности которого только в том и заключается чтобы во-первых, в лице нового лидера восхвалять приход торжества свободы и разума и, во-вторых, бичевать пороки и просчеты предшествующих правителей. Впрочем, словами о «торжестве свободы и разума» я намеренно подчеркнул наличие этого сословия в любой культуре, в том числе русской, хотя, конечно, это не то явление, которое добавляет что-нибудь к так называемым «общечеловеческим ценностям».

Столь же постоянным надо признать и интерес «мировой общественности» к России на разных исторических этапах ее развития, особенно же в «эпоху тоталитаризма». Если в этом интересе и есть что-нибудь содержательно важное, так это указание на то, что в России и с Россией происходит нечто такое, что оказывает влияние на состояние «мирового сообщества», и не более того. После этой фразы у иного читателя уже сработал рефлекс на «великодержавные амбиции» автора, и я с большим удовольствием готов согласиться с почетной рефлексией, но лишь в том смысле, что самосознание русских несмотря ни на что не потеряло идею вселенскости национального бытия как производную национального же исторического опыта.

Подлинное объяснение пристального внимания к проблемам России, как мне представляется, следует находить в самом состоянии русской нации, как его можно описать в системе социально-демографических характеристик. В XX в. вслед за политическим переворотом февраля-октября 1917 г. произошли два события, коренным образом изменившие русскую национальную жизнь. Я имею в виду коллективизацию и индустриализацию, которые за катастрофически короткий исторический срок превратили земледельческую нацию в промышленно-индустриальную, а в настоящее время вообще становится проблематичным существование крестьянства в обозримом будущем. С горечью должен добавить, что эта перспектива объясняется не столько механизацией, индустриализацией, автоматизацией, компьютеризацией крестьянского труда, т. е. объективными предпосылками сокращения доли крестьянства в населении страны, сколько негативными экономическими, социально-бытовыми и т. п. причинами, делающими отток крестьянства в город искусственным, неорганичным и болезненным для национально-государственной жизни. Уже в послевоенный период исчезли или полностью обезлюдели сотни тысяч починков, деревень и сел, и если это оскудение могли объяснить нуждами продолжающейся индустриализации и тягой к городскому комфорту (весьма относительному), то следовало бы помнить, что покидалась родина предков, их могилы, природа, обихоженная трудом поколений русских крестьян земля-кормилица, которая без человеческой заботы и ласки возвращалась в дикое состояние.

Изменение характера крестьянского труда, уклада деревенской жизни и неорганическое переселение крестьян в города и поселки имели следствия исключительные. Народная культура переходила в фольклор, который интересен специалистам, но не является питательной средой для деятельной жизни современного труженика. Нисхождение народной культуры опять-таки обусловлено было не столько объективным процессом изменения уклада сельской жизни, сколько искусственно созданными обстоятельствами, которые многое объясняют в изломах народной нравственности, психологии, ставших предметом обсуждения современной публицистики. Мы катастрофически утрачиваем традиции труда, общения, взаимодействия. Энтузиастическая психология экстенсивного покорения природы привела к потере навыков земледелия. Стоит ли говорить о том, как резко снизилось мастерство на производстве, когда количественные показатели стали чуть ли не единственным мериллом трудовой деятельности.

Нация ускоренно изменила форму труда и способ жизнедеятельности, что не могло не сказаться на ее психологии, поведении, нормах жизни и «интеллектуальной оснащенности». Вхождение в новую жизнь горожан и рабочих бывших крестьян и деревенских жителей происходило неорганично, укоренение на новом месте и новом производстве переставало быть жизненной необходимостью, а странствие по стране и с производства на производство превратилось чуть ли не в норму жизни. Мы, русские, становимся нацией новых кочевников, и здесь не важно, что для одних кочевьем стало пространство от Балтики до Курил, а для других кочевки происходят в пределах одного города — из района в район, из общежития в общежитие, из квартиры в квартиру. Важно, что кочевка стала естественным способом существования, хотя она противоестественна для нации, исторически развивавшейся как оседлая. Отсутствие кочевых навыков привело к тому, что мы, новые кочевники, рассматриваем новые пространства или новые производства только потребительски и для сиюминутной выгоды. Экологические проблемы в нашей стране, естественно, являются следствием развития техники, но то, что техника приводит к экологическим бедствиям, в значительной степени связано с потребитель-

ской психологией, равно чуждой и традиционным земледельцам, и кочевым пастушеским племенам. Таким образом катаклизм национальной жизни породил негативные явления, отрицательно сказавшиеся на состоянии национальной психологии. Во всяком случае, эта психология иного содержания и качества по отношению к природе, земле, среде обитания.

За тот же исторический период нация, проживавшая преимущественно в личных домах, переместилась в общежития и коммунальные квартиры и только в последние годы начала переселяться в отдельные квартиры. Сугубо социально-бытовая проблема сказывается на эмоционально-психологическом состоянии нации, эмоциональной напряженности жизни и качестве генофонда, что уже сейчас не может не тревожить каждого русского.

Изменение традиционного образа жизни и жизнедеятельности привело к исчезновению, размыванию, ослаблению традиций, которые формировали национальный облик, национальные представления о нравственности и нормах поведения и общения, национальную культуру. Результатом этого стало появление значительного слоя людей, у которых только графой в анкете и усеченным почти до эсперанто русским языком и ограничивается принадлежность к великой нации.

Все сказанное, естественно, касается и нового поколения ИТР, и научной интеллигенции, занятых прежде всего обслуживанием производственного механизма и государства, не могущих компенсировать односторонность работы другими формами духовной жизнедеятельности и уже отчужденными от собственно народной духовности, нравственности, культуры. Такой тип промежуточного слоя расширенно воспроизводится до сих пор. В результате мы уже сейчас обогнали все страны по количеству научных работников, медиков, преподавателей школ и вузов. В творческих союзах столько писателей, художников, композиторов, театральных деятелей, что можно утонуть в разливанном море производимой ими «культуры». Совокупное количество этих специалистов то ли приближается, то ли уже сравнялось с количеством возвращающих хлеб насущный крестьян и вполне сопоставимо с рабочими, занятыми в тяжелой и горнодобывающей промышленности. А так как число вузов не уменьшается (по некоторым отраслям науки и производства даже растет), то экстенсивно развивающийся слой скоро вполне можно будет рассматривать в качестве нового класса, не занятого производством материальных благ, но требующего их; не имеющего места в системе общественного производства но претендующего на обладание им и законодательно оформляющего эти претензии. Короче говоря, эта группа, это сословие, этот в актуальной потенции новый класс уже присваивает себе труд других людей и именно благодаря своему специфическому месту в укладе общественного хозяйства. Как видим, количественный рост по экспоненте порождает новое качество в когда-то бывшей прослойке, и она вполне готова заявить о *своих* претензиях, *своих* амбициях, *своих* проектах общественных.

Принципиальное следствие из этого состояния постоянно разбухающего монстра заключается в том, что интеллигенция практически не представляет народа и не выражает его интересы, мешает Духовному развитию народа, обременительна для государства, уже не знающего куда ее девать, что с нею делать, как остановить лавинообразный рост этого Сословия.

В смысле интеллектуальном - это сословие троечников. Расплодившиеся вузы плодят выпускников, едва бредущих по азам знания с трудом осиливающих цифирь высшей школы и полуграмотными приходящих на производство, в поликлинику, школу, науку.

В духовной сфере *числом* духовности не достигнешь. Троечники по-

рождают троечников, и это почти замкнутый порочный круг, который дурно влияет и на тех, кто в него попадает, и на тех, на кого он накатывается. Школа наша плодит середняка, высшая школа плодит серость в науке и на производстве. Серость — вот подлинный уровень того многомиллионного слоя, который заявляет претензии на звание народной интеллигенции. И эта серость воинствующая. Она требует от членов своего сообщества быть равным себе, и любой талант вынужден тратить себя прежде всего на борьбу с серостью.

В массе своей эта интеллигенция бескультурна. Будучи оторванной от народной культуры и жизни, она, в сущности, не знает культуры своего народа и в определенном смысле стала уже вненациональной, т. е. использованием в обиходе русского языка только и определяет свою принадлежность к русскому народу и нации. Ее образованность исключает фольклор и всю духовную жизнь народа как явления, находящиеся на «донаучном уровне» и в силу этого изначально ущербные, неполноценные.

Ну, а какие выводы из потери народной почвы и народной культуры сделали интеллектуалы этого сословия? Опять же, основная их масса, подталкиваемая специфической системой образования и воспитания, увидела свет в окне в образе буржуазного демократизма, технологии Запада и «элитарной» духовной продукции.

Естественно, что кумиры сопрягались с той средой, где они вырастали, и потому от восторгов по поводу Р.-М. Рильке и Г. Гессе легко прокладывался прешпект к демократизму, плюрализму, открытости общества, к обществу равных возможностей и всему прочему в этом роде.

Само количество кумиров открывает одну примечательную особенность этого сословного интеллектуализма — потребность в постоянной смене идолов. Поскольку нет корней, промежуточное, межуточное сознание в подвешенном состоянии и должно при любом дуновении и изменении направления ветра лететь в интеллектуальных хлябях без руля и без ветрил. Я думаю, что лишение этого слоя корней начало осуществляться еще в дореволюционную эпоху, чему объективно способствовало и его промежуточное состояние в системе общественной жизни. Поэтому подвешенность сознания этого слоя не может быть здесь предметом размышлений. Куда важнее уяснить, кто дует и кто меняет направление ветра, почему столь часто смена кумиров. Но это такая специфическая и многогранная проблема, что решать ее походя нельзя, да и увело бы от основной темы. Отмечу только, что в кумиры отбирались, как правило, наиболее талантливые представители элиты Запада, элитаристски глядящие на мир человеческий, все проблемы замыкающие на личности, саму личность делающие правителем и созидателем мира и общества, эгоцентризм рядящие в одежды самоценности личности или, как в писаниях Г. Маркеса, фольклорный уровень делающие почвой для экспериментов эгоцентрического сознания. Практически в сознание интеллектуалов внедрялась убежденность в том, что поиски почвы беспочвенны, неинтеллигентны, антиинтеллектуальны и ведут в духовный тупик. В своеволии — единственная истинная цель интеллектуальной элиты, которая во многом и была достигнута. Предложенная трактовка смыслового содержания рядоположенных кумиров позволяет понять, почему столь часто менялся ветер, т. е. почему менялись кумиры и идейно-эстетические предпочтения. Любая длительность в остановке была чревата опасностью разоблачения самими же интеллектуалами бездуховности почитаемого кумира. Длительность любования сама по себе должна была привести к пониманию, что кумир эфемерен, что он тот же межуточный фантом, что и сам «интеллектуал», духовности не содержащий и никого, кроме себя, не представляющий. Вот почему так часто и так лихорадочно менялись идолы, вот почему эту смену оказывалось достаточно легко манипулировать облегченным

и сведенным к рационалистической одномерности сознанием интеллектуалов. Эта лихорадка, кроме того, позволяла отвлекать сознание от существенно важных проблем жизни страны, нации, народа, проблем, само размышление над которыми уже сокращает расстояние между подвешенным межумочным сознанием и почвой, готовой принять в себя корни духовной жизни. Наконец, принцип лихорадочной смены кумиров позволял активно формировать коротенькие мысли и носителей этих коротеньких мыслей, у которых духовный багаж вполне умещался во все утончающийся "кейс", в просторечии именуемый «дипломат», т. е. в предмет для ношения всего, что нужно для внешних сношений, но не для внутреннего пользования.

Такое извращенное состояние интеллектуального уровня сословия должно было породить и породило, с одной стороны, интеллектуальную импотенцию, с другой — столь же «продуктивный» интеллектуальный пустоцвет. Терминология выбрана потому, что мы являемся свидетелями клинического случая — огромные массы людей, должных приращать духовные богатства для национально-государственной жизни, проводят время на производстве за уголовно наказуемым бездельем. Что же касается все тех же «интеллектуалов», то они плодят книги, брошюры, статьи, вообще никому не нужные, где решаются псевдопроблемы, где жизнь побивается камнями словоблудия, где достоинством считается незапятнанность «чистого разума» запросами народа, нации, государства. Примеры можно приводить сколько угодно, но сошлюсь на исключительно важную для каждого нравственную философию, в просторечии именуемую этикой. «Наука» свела нравственность к поведенческим формулам, эти формулы логизировала и принялась играть с дефинициями, исторически преходящими формами нравственности, соотносением нравственно сущего и нравственно должного и еще с чем угодно, устранив себя от единственно оправдывающего ее существования смысла — учить пониманию добра и зла, наставлять в служении народу, нации, государству. И ведь если бы только с этикой так обстояло дело.

И здесь действует принцип замещения. Если в целом интеллектуальный пустоцвет можно назвать «глобальным» замещением живой мысли, то решение псевдопроблем или проблем второстепенных как раз и выполняет функцию замещения в области науки. Как это происходит, покажу на примере обществознания. В истории, например, вульгаризировав, значит, оглупив и извратив, представление о классовой борьбе, создали устойчивый стереотип вечного мордобития (особенно, естественно, постарались на материале русской истории). Кому же захочется монотонную всемирно-историческую уголовную хронику вспоминать и осмысливать? И есть ли смысл из этой драки извлекать уроки для жизни нынешней? Когда же делаются попытки увидеть содержательную традицию в развитии русского народа, русской нации, русской государственности, то сразу появляются защитники народа, нации и государственности с вульгаризаторским кистенем в руках.

На случай, если стремление осмыслить прошлое не убито до конца, заготовлены монбланы, лавины, реки, ручьи учености разного достоинства о чем угодно. Об отцах-основателях США, о папуасах, гаучо, ирокезах и обо всем, что твоя душа пожелает. Наш читатель лучше всех наций в мире может узнать историю, политику, проблему других наций и народов, оглушенно, однобоко, с пустотами представляя историю собственного народа и своей страны. Разве такое противоестественное состояние исторического сознания способствует нравственному и патриотическому воспитанию? Напротив, оно последовательно разрушает как патриотизм (действенный, активный, а не декларативный), так и нравственность носителей внеисторического сознания.

В силу того что культура, которую последовательно уничтожали, и история, над которой глумились, безусловно и органично были связаны с нравственностью, аморализм «интеллектуалов» здесь проявил себя не в собственной стихии, а лишь как следствие, побочный эффект собственно сциентистского внеморального действия. Именно в отношении природы, этой извечной сферы научного экспериментаторства и сциентистских теоретических изысков и измышлений, раскрылись аморализм «интеллектуалов», их короткость мышления. Грандиозные «преобразования» природы Родины, злоумышленные все теми же «мыслителями», были рассчитаны исключительно на ближайшую экономическую выгоду и, конечно же, не учитывали, что ближайшая выгода чревата катастрофическими экологическими, экономическими, нравственными последствиями.

Будучи в своей массе не только внерелигиозной, но и атеистической, современная интеллигенция за последние десятилетия утратила и тот коммунистический идеал, который во многом объяснял творческие и положительные ценности нигилизма дореволюционного. Какое-то сумасшедшее всеобщее отрицание стало отрицанием сознания интеллигенции перестроечной эпохи: неприятие и отрицание Бога и абсолютного нравственного идеала совместились с отрицанием коммунизма как исторической перспективы общественного развития.

Всеобщность отрицания делает единственной реальностью личность, в которой отрицание персонифицируется, личность, замкнутую на себе и в принципе лишенную связи с народом, являвшейся в дореволюционный период условием личного бескорыстия и благородства революционной интеллигенции. Рафинированный индивидуализм сменился примитивным эгоизмом, и издевательством над народом звучат сейчас слова о создании в послереволюционный период «народной интеллигенции». Собственная материальная нищета и примитивный эгоизм, помноженные на атеизм и отказ от коммунистического идеала, естественно, делают землей обетованной страны всеобщего потребления. Идеализация капитализма, набравшая ускорение в течение пяти лет, совместила, объединила в «демократический» альянс нищету в буквальном смысле интеллигенцию, городских люмпенов и застойную псевдоинтеллектуальную элиту, которая оказалась в авангарде перестроечных процессов. Можно понять живущего от зарплаты до зарплаты умственного пролетария, который ждет хоть каких-то изменений к лучшему пусть и при капитализме. Но сколь циничным надо быть, рассказывая в прессе и по телевидению о своей мечте пожить при капитализме, когда и в застое, и в перестройке элита жила на уровне высших мировых стандартов. И сколь безнравственным надо быть, чтобы, восхищаясь капитализмом как системой благоденствия, спокойно рассуждать об инфляции, легализации теневой экономики, массовой безработице как условия общественного благополучия.

Практически этика нигилизма достигла того тупика, где превратное бытие рождает превратное представление о мире, человеке и нравственности. Показателем этой превратности может служить и современная фразеология и терминология, когда традиционно «левые» в нашей стране получили определение «правых», а глашатаи буржуазного благополучия гордо ходят в «левых» колоннах при фригийских колпаках.

Наконец, всеобщий нигилизм рождал и усугублял процесс денационализации интеллигентского сословия, и сейчас оно успешно преодолело любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам. Прежнее очертание тысячелетней истории России дополнилось оплевыванием героико-драматического семидесятилетия. Национальная духовность и культурно-исторические ценности в сознании интеллигенции девальвированы до такой степени, а идеологами определены столь негативно, что любое упоминание о русском национальном сознании и достоинстве вызывает активное не-

приятие и числится по разряду шовинизма. С таким идейным и духовным багажом только и можно прийти к самоудовлетворению духовной жвачкой и эрзацами культуры.

II

Вышеприведенная характеристика современной интеллигенции, а значит, в какой-то мере и состояния русского национального самосознания может породить заблуждение о прерывности интеллигентского отношения к России, русскому народу и духовным ценностям. И здесь революционный переворот индентифицируется с кризисом национального самосознания, что порождает иллюзорные представления о духовном и интеллектуальном благополучии в России перед революцией. Как мне представляется, такого благополучия не было, о чем свидетельствуют не только революционный взрыв, который никакими заговорами, в том числе и «жидомасонов», объяснить невозможно, но и попытки самоопределения интеллигенции, предпринятые в сборниках «Проблемы идеализма» (1903 г.), «Вехи» (1909 г.) и «Из глубины» (1918, 1921 гг.). Первый был, в основном, посвящен критике материализма недавними легальными марксистами, определившими для себя духовность и абсолютность идеала в качестве исходных принципов осмысления действительности и общественных отношений. «Вехи» представляли этап самокритики интеллигенции, сначала готовившей общественный переворот, а затем осознавшей, что социальный катаклизм сам по себе и вне идеала является не чем иным, как изменением социальной иерархии без приобщения к духовным ценностям. «Из глубины» (название взято из 129 псалма: «Из глубины взываю к Тебе, Господи») можно назвать рефлексией религиозно-идеалистического сознания на революции 1917 г., начало гражданской войны и победу материализма не только и даже не столько как философской концепции, а как идеологии, политики и практики нового порядка.

В такой позиции авторов сборников была уязвимость, отмеченная многими их критиками. Они как бы выходили из социального противоборства, находились над схваткой и произносили приговор правым и виноватым, левым и правым, революционерам и контрреволюционерам. Действительно, поза и риторическая жестикация, снобизм достаточно наглядно заявлены в первых двух сборниках, когда стабильность социальной системы еще позволяла отстранение взирать на классовое противоборство. Этого не скажешь о сборнике «Из глубины», написанном в условиях, когда вихрь революции перевернул всю социальную систему и втянул в общественную круговерть всех без исключения. Именно третий сборник убедительно показал, что поза сторонних наблюдателей оказалась иллюзорной попыткой выйти из общественной жизни, одновременно находясь в ней и влияя на разворачивающееся противоборство групп, слоев и классов России начала века.

Но для философской рефлексии сознательная отстраненность от событий общественной жизни важна необычайно. Она позволяет сохранить ту долю объективности, которая только и может быть основой непредвзятого социального анализа субъектов исторического действия — будь то личность или классы. Выйдя из материализма, авторы характеризуют его уже с позиций идеалистической философии. Принадлежат сами к интеллигенции, они оказываются способными критически рассмотреть ее место в общественной жизни и в системе духовных ценностей. В событиях 1917 г. они пытаются распознать смысл, определяющий внутреннее содержание народной жизни, но сами находятся как бы в стороне от кровавой ломки старого уклада жизни (в конечном счете и эта отстраненность оказалась

иллюзорной — все они были или высланы из России в 1922 г., или в разное время репрессированы).

Сейчас может показаться странным, но авторы сборников, как и многие их современники, определили интеллигенцию как носительницу нигилистической нравственности. В то время как мы начало XX в. называем «серебряным веком» русской культуры, расцветом русской религиозной философии. Промышленность России развивалась тогда темпами, превосходящими все страны мира и непредставимыми в последующий период нашей истории, включая и перестроечное «ускорение».

Все это так, но и позиция «веховцев» достаточно убедительна, чтобы содержание их работ могло показаться отвлеченным и расходящимся с реалиями русской действительности того времени. Уровень же промышленного развития, хотя и связанный с прекрасными именами русской научно-технической интеллигенции, сам по себе не является свидетельством нравственного состояния общества. Правда, промышленное законодательство в России было наиболее прогрессивным, но это уже не проблема собственно интеллигенции, а результат отношений труженика и предпринимателя, юридически оформленный существующей властью.

Что касается «серебряного века» в культуре, то само это название отражает вторичность его (века) содержания по сравнению с «золотым веком» русской культуры, каким, безусловно, был век XIX. Думаю, что рядом с Пушкиным, Толстым, Достоевским вряд ли кто дерзнет поставить любого из писателей и поэтов первых пятнадцати лет XX века.

Наконец, сама религиозная философия все-таки была попыткой совместить православие с западной философской традицией и потому находилась на грани модернизма, за которой уже и само православие становится предметом исследования, а не содержанием жизни и духовности общества. Не случайно ведь всесторонне образованные люди, освоившие «и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», как-то безразлично отнеслись к писаниям восточных отцов церкви и к собственно русской патристике.

Проблема, на мой взгляд, заключалась в том, что Россия, бурно развивавшаяся в русле капитализма, активно порождала условия для индивидуалистической идеологии и психологии, вступившие в противоречие с соборным принципом ее жизнеустройства, который порождал и сохранял сельскую общину, сельский мир, артельную работу в городе, всеотзывчивость самой культуры. Здесь-то и возникал парадокс — новая социальная реальность была почвой для нового содержания творчества, которое само по себе отрицало предшествующую культурно-историческую традицию. Понятно, что это было творческое отрицание, но тем не менее нигилистическое отношение к предшествующему социальному и духовному опыту содержится в культуре указанного периода, включая и произведения авторов трех сборников. Именно в этом смысле «Вехи», например, можно назвать самокритикой интеллигенции, уже осознавшей свое размежевание с предшествующей эпохой и осознающей потери, которые в этом размежевании она понесла.

В этой же системе следует рассматривать и индивидуализм как сознательную позицию и умонастроение интеллигентского сословия в указанный короткий исторический период. Он вычленил личность из национальной, социальной и групповой общности и позволял самоопределяться в мире и в общественных связях, способствовал самовыражению в творчестве, изменял содержание и характер творчества. Но вышедшая из различных общественных связей личность делала себя центром мироздания (не случайно столь велико было увлечение Штирнером, Ницше, Дюрингом) и произвольно пересоздавала его в художественных произведениях, что, в свою очередь, предполагало вторичность по отношению к личности

и мира, и общественной системы. Теоретически это допустимая и понятная позиция, имеющая достаточно длительную традицию. Практически она позволяла отрицать существующую социальную систему, изменять шкалу социальных и нравственных приоритетов и ценностей, и это тоже было особой формой социального нигилизма, болезненно осознанной в «Вехах» и особенно в сборнике «Из глубины». Во всяком случае последние размышления русского зарубежья о соборности во многом объясняют внутреннее осмысление грехопадения индивидуализма и как философии, и как практики русской интеллигенции начала XX века.

Только после сказанного можно понять смысл критики нравственного мировоззрения русской интеллигенции. Естественно, что речь прежде всего о той части интеллигенции, которая или активно участвовала в революционном движении, или же была благодатной средой для революционного активизма. Здесь все было доведено до логического конца. Материалистическое мировоззрение упразднило Бога, и сам атеизм превращался в особого рода религию — воинствующую и беспощадную к инакомыслию...

Отрицание существующего порядка вещей, естественно, требовало отрицания традиции, и абстрактно-всеобщая свобода последовательно совмещалась с нетерпимостью к тому, чему такого рода свобода противоречила или просто не совпадала (как в знаменитой песне послереволюционных лет: «Мы раздуем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей»). Характернейшее отождествление церкви и тюрьмы. Атеизм как религия и свобода от прошлого совокупились в отрицании).

Специфической была мораль этого сословия, за основу взявшего не движение к абсолютному идеалу, а пользу, поведенческие стереотипы превратившего в единственное объяснение содержания межличностных и социальных связей и отношений. Это действительно нигилистическое опрошение в нравственности и подлинно великий отказ от абсолютности нравственных норм и нравственного идеала, отказ, который удивительным образом сочетает теперь рафинированный индивидуализм с действием во имя всеобщего равенства, братства и свободы (гораздо позже и в других социальных обстоятельствах такое сочетание было повторено во Франции, когда экзистенциалист Ж.-П. Сартр умилялся массовыми радениями во времена «культурной революции» в Китае и соглашался на уничтожение Моны Лизы, мешающей всеобщему усреднению. Как видим, это не национальный, а идеологический принцип, проявляющийся в определенных социальных условиях в любой национальной среде).

Пожалуй, лишь в одном «веховцы» повторили банальности своих предшественников и воспроизвели как собственные идеи либерального народничества второй половины XIX века. Я имею в виду понимание смысла материального благополучия и того, как через всеобщее и равное распределение «аскетические монахи» готовы добиваться всеобщего благоденствия, что было чрезвычайно характерно именно для революционной интеллигенции, но не имело отношения к идеалам собственно русского народа. В сочетании с убежденностью в бескультурьи русского народа эта позиция ничего нового не добавляет к привычной для народничества идее «опрошения» как условия сближения с народом (прежде всего с крестьянством). Надо прямо сказать — глубокое почитание авторами «Вех» Ф. Достоевского в этом вопросе оказалось формальным или искренним непониманием того, что о народе говорил русский пророк и гений. Для народа богатство не мыслилось как цель бытия, оно всегда было подчинено поискам православно-нравственного созидания личной и общественной жизни. Великая крестьянская цивилизация создала глубочайшую, поэтическую и целостную культуру, которая была еще и составляющей жизнедеятельности крестьянина. До такой высоты и глубины не дорос ни

один исторически прослеживаемый тип культуры, и величие нашей классической культуры определяется прежде всего тем, что она органически была связана и возрастала на почве культуры крестьянского мира.

Эта неадекватная позиция, оправданная иллюзиями интеллигентского сознания и примиряемая личной честностью «сострадающего народу» интеллигента, оборачивается грозными и трагическими последствиями для народа, когда ее берут на вооружение идеология и политика в качестве практического руководства по «окультуриванию» «идиотизма деревенской жизни» и военно-коммунистического или казарменно-социалистического созидания равных в нищете добровольно голодающих.

III

Легко впасть в соблазн и определить позицию интеллигенции и состояние народа как результат уклонения от некоего подлинного пути развития и содержания бытия. И на такой соблазн уже поддаются крайне правые публицисты и крайне молодые люди, призывающие вернуться к монархической системе правления. В соблазне пребывают и крайние левые, нападающие на прошедшее семидесятилетие во имя возвращения к февралю 1917 г., обещавшему вечное цветение немыслимой демократии в вертограде российском. Оригинально, конечно, впервые в мировой практике отменить историю, но занятие это бесперспективное уже потому, что история состоялась, и несостоятельными становятся идеи но-политические рывки к удобной для начала летоисчисления дате. Россия прошла свой крестный путь, и его опыт исключительно важен сейчас, чтобы не свернуть в исторический тупик, где время соединяется не с вечностью, а с небытием. Поэтому для дальнейшего развития России, выявления смысла и цели национальной жизни драгоценен будет и опыт этих драматических десятилетий, и этих превращений нравственности и культуры, занимающих уже свое место в национальном самосознании.

Одно безусловно — попытка отказа от православного идеала, определявшего тысячелетний путь нашей национально-государственной жизни, обернулась трагедиями личности, сословий, народа, нации. Отставление православной почвы народнической, либеральной, революционной интеллигенцией привело к расщеплению единого национального организма, когда народ живет собственным духовным опытом и культурно-историческими традициями, а интеллигенция, развиваясь столь же изолированно, собственные идеи и иллюзии стремится выдать за содержание народных чаяний и устремлений. Поэтому закономерно, что за семьдесят лет не было сколько-нибудь серьезного философского исследования народного опыта, в то время как за этот же период бурным потоком лились измышления о единой армии труда, пролетарском интернационализме и новой исторической общности людей — очередные политически благонадежные иллюзии интеллигенции по поводу содержания национальной жизни. Надеюсь, предшествующее изложение было достаточно точным, чтобы еще раз не объяснять, насколько отрицательно это «раздвоение единого» сказалось на жизни и состоянии народа и интеллигенции. Поэтому столь драгоценна работа нашей литературы по осмыслению исторических судеб России, и «Тихий Дон» М. Шолохова, «Котлован» А. Платонова и «Привычное дело» В. Белова сохранили разорванную связь, но лишь потому, что сама народная жизнь диктовала содержание их творчества и во многом определила художественный уровень их произведений.

В этом расщеплении единого национального целого следует видеть и то противоречие, которое обнажено предстало в дискуссии славяно-

филов и западников, приобретающей все большую актуальность в настоящее время. Огрубляя в значительной мере позиции, я могу сказать что западники достаточно отчетливо представляли данности своего времени и предлагали свои проекты переустройства сословной России в гражданское общество «западного» типа (сам этот тип, конечно же, был и остается абстракцией, как только начинаешь сопоставлять с конкретными европейскими странами. Это важно подчеркнуть, чтобы понимать отвлеченность и отчужденность «гражданского общества» от реального национально-государственного устройства).

Эту же данность хорошо представляли и славянофилы, предлагая восстановление *в новом качестве и на новом уровне* соборного устройства социальной жизни с православием в качестве центрообразующей духовной идеи русского национального организма. История распорядилась так, что «право на социальный эксперимент» получили «западники» всех оттенков и толков, включая марксистов. Гражданское общество не получилось, и будет крайне неосмотрительно сейчас, под предлогом вхождения в «общеевропейский дом», снова пробовать «европеизировать» уставших от экспериментов Россию и русский народ.

Мне представляется, что именно сейчас возникает возможность соединить тысячелетнюю традицию русской государственности, православную духовность с опытом европейского подражания последних трех столетий, включая и последние семьдесят лет. Это не будет теократия, потому что само православие не приемлет властвования социальной системой. Это не будет и система православного фундаментализма, потому что, признавая свободу воли, православие не навязывает себя личности, но открыто принимает в себя всякого, познавшего Свет и Истину. Это не будет общество одномерных личностей и «одинокой толпы», потому что принцип соборности предполагает единение индивидуальных неповторимостей и гармоническое взаимодействие социальных групп и, если угодно, сословных общностей. Это не будут и государство и нация, страдающие ксенофобией, потому что три столетия дали урок не только искажения национальной жизни неорганическими иностранными заимствованиями, но по-своему подтвердили верность и выверенность русской идеи о всечеловеческом единении.

Для такой работы нужны социальный мир и время. Никакими декретами — Президента или Съезда народных депутатов — изменение жизни нации и государства осуществить невозможно, так же как и любые философские рефлексии по поводу национальной судьбы в лучшем случае дают лишь объяснение событиям, но никогда не указывают путь развития. Нужны общенациональные действия, и может показаться проблематичным, что в нынешнем своем состоянии народ и интеллигенция к такому действию готовы.

И все-таки изменения в нации и интеллигенции нельзя определить однозначно отрицательно. Прекращение воспроизводства народной культуры, связанное с окончанием жизни русского крестьянства, могло бы привести нацию к духовному одичанию. Мне кажется, что в таких катастрофических обстоятельствах у нации сработал защитный механизм и результатом было появление многомиллионного слоя недоучек, троечников, «узких специалистов». Ну а кто от младенцев ждет глубины, мудрости, сознательности? Надежда в том, что из этого массива может сформироваться новая духовная общность, заменяющая уходящее в историческое небытие крестьянство — класс, определивший нашу самобытность, нашу национальную культуру и духовность. Все идиотства увлечений, всю узколобость и специализированность мышления в этом смысле вполне можно списать на младенческий период ее развития и именно потому, что она генетически усвоила нравственно доброе в человеческих взаимо-

отношениях, и чувство Родины на том же генетическом уровне запечатлено в ее сознании.

Надежды эти обоснованы. Возрождающийся сейчас интерес к истории и культуре России убедительно подтверждает, что беспамятство сменяется периодом взросления, и вопрос «кто мы, откуда, куда мы идем?», т. е. вопрос, с которого начинается личная и национальная жизнь, становится актуально значимым для большей части новой генерации интеллигентов. И процесс этот ничем и никем не остановим. Людей с проснувшимся сознанием, ожившей душой ввергнуть в первобытное состояние невозможно. Просыпается осознание себя наследниками великой культурно-исторической традиции, а имея такое богатство, разве можно здоровому социальному организму преклониться перед мельтешащими в воздухе «кумирчиками», провозглашающими снова материальное благополучие целью исторического процесса?

Надежда и в том, что этот социальный массив прогрессивно умнеет, активно вырабатывает внутри себя людей, способных стать именно той национальной интеллигенцией, которая создает на народной основе духовные ценности, поднимающиеся до выражения национально-народного сознания. Эту интеллигенцию вообще невозможно сбить с толку. И уже положено начало тому, о чем говорил Достоевский, наблюдая, как современные ему бесы своей этикой корежат и искореняют духовную почву национальной жизни: «Мы по-прежнему убеждены, что не будет в нашем обществе никакого прогресса, прежде чем мы не станем сами настоящими русскими. Признак же настоящего русского теперь — это знать то, что именно теперь надо не бранить у нас на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить уметь — вот что надо теперь наиболее настоящему русскому. Потому что кто способен любить и не ошибается в том, что именно ему надо любить на Руси — тот уж знает, что и хулить ему надо: знает безошибочно, и чего пожелать, что осудить, о чем сетовать; и чего домогаться ему надо; и полезное слово умеет он лучше и понятнее всякого другого сказать, — полезнее всякого присяжного обличителя»¹.

¹ Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч. в 30-ти томах. Т. 20 Л., 1980. с. 217.